

Кандидат исторических наук, лауреат Литературной премии им. Н. Заболоцкого, постоянный автор «КА» Руслан Бушков продолжает рубрику о кулинарных традициях казанцев, отразившихся в отечественной литературе и журналистике. Сегодняшняя тема – казанское чаепитие

Руслан
Бушков

Чайная Мекка Поволжья

В Казани всегда есть еда и питьё – в граде вселенском такое житьё.

Так восхвалялась столица Казанского ханства в посвящённой ей газели Шерифа Хаджи Тархани. Этим псевдонимом подписывал свои произведения в начале своего поэтического пути Кул-Шариф.

Проживая, как он полагал, в «одном из великих городов исламского мира», ему не раз приходилось убеждаться, что иных заезжих путешественников и гостей эта сторона жизни в нём интересует не меньше, чем разные диковины. Не зря на Гостином острове для них был

устроен даже постоянный двор с «вольной» продажей еды и питья, прозванный по вошедшей в обиход тыквенной посуде *кабаком*.

Казань была основана ещё предками казанских татар – волжскими булгарами. Они приняли ислам в 922 году и сделали его официальной религией Камско-Волжской Булгарии, одного из первых государств Восточной Европы. В 1135–1136 годах и в 1150-м, когда в болгарских землях побывал арабский купец и дипломат из входившей тогда в Арабский халифат испанской Гренады Абу Хамид ал-Гарнати, будущая татарская столица числилась городком-

укреплением. По преданьям, название она получила по случайно обронённому здесь в реку дорожному котлу для варки пищи, нагрева воды и молока.

**Уронила девушка
в речку золотой казан,
и поднялся город высоко – Казань.**

– скажет об этом много лет спустя казанский поэт Рустем Кутуй.

Котёл, по легенде, был зарыт под первую постройку Казани, в знак её будущего изобилия и богатства.

В железном котле готовились и еда, и питьё, которыми угощался у волжских болгар ал-Гарнати. Из яств ему понравилась печёная и вяленая рыба. «Рыбу пекут и кладут в неё рис, и становится она вкуснее баранины и курятины», – отметит он потом в своей книге «Ясное изложение некоторых чудес Магриба, или Выборка воспоминаний о чудесах стран».

Запомнились ему и болгарские напитки.

Решивший узнать, как распространились кофе и чай в татарском мире, выдающийся энциклопедист и просветитель Каюм Насыри пришёл к выводу, что их проникновение началось весьма давно. Он посвятил этому даже специальный труд, приводя в доказательство народные предания.

Чай, как полагал Каюм Насыри, попал к волжским булгарам через мусульманские народы Средней Азии. Они разнесли славу о нём как о паломническом напитке, снискавшем особую любовь у совершавших хадж на родину пророка Мухаммеда в священный город Мекку.

К X веку от китайцев этот напиток переняли монголы, буряты и енисейские киргизы. Немало народов узнало о чае во времена владычества Монгольской империи, возникшей в XIII веке в результате завоеваний под предводительством Чингисхана и его внука Батыя.

Напитком казанских татар чай сделался лишь в XVIII веке, когда Казань уже находилась в составе Российского государства. Бывшей ханской столице выпало стать его воротами на Восток и свя-

зать Москву, затем и новую российскую столицу Санкт-Петербург со Средней Азией, Сибирью и Китаем – родиной чая.

Впервые чай был доставлен в Москву в начале 1617 года через посредство Приказа Казанского дворца подотчётными ему Томским и Тобольским воеводствами. Тобольскому воеводе Ивану Куракину спустили приказ снарядить в 1615 году экспедицию в Западно-монгольское ханство для выяснения торговых путей в Китай. Её возглавили казачий атаман из города Тары Василий Тюменец и тюменский десятник Иван Петров. Они прошли из Томска через Саяны до главного монгольского кочевья, были приняты монгольским правителем Алтын-ханом. По отчёту Тюменца, здесь их угостили «молоком топлёным с маслом, а в нём листы неведомо какие». Хан направил с гостями в Москву своих послов Каян-Мергена и Кичена. Они и доставили вместе с Тюменцем подарки русскому царю от Алтын-хана, в том числе – образцы китайского чая.

Через десять лет состоялось новое русское посольство к Алтын-хану. И в 1636 году в Москву посол Василий Старков доставил от «Золотого хана» «Белому великому государю» уже двести пакетов сушёных чайных листьев.

Издавший в 1857 году в Императорском Казанском университете один из первых научных трудов по российско-китайской торговле учёный-экономист А. К. Корсак посчитал этот факт началом чаепития в Российском государстве.

«В России чай стал известен в начале XVII века и вот каким образом: посланникам нашим при дворе алтынских ханов поднесли в числе подарков для государя 200 небольших пачек чая. Послы хотели было выбросить его; но в Москве вполне узнали достоинство ханского подарка, и чай с тех пор вошёл в употребление в России», – отмечал Корсак в своей книге «Историко-статистическое обозрение торговых сношений России с Китаем».

К этому времени о чае уже знали в Европе. «Это растение хорошо извест-

но теперь и в Голландии, и его привозят туда мореплаватели восточно-индийские. Его можно найти в Амстердаме, хотя и в небольшом количестве», – заметил в своих записках прибывший весной 1636 года в Москву немецкий дипломат и путешественник Адам Олеарий.

Отведать чай ему довелось в Персии, но удивил его здесь не напиток в виде «чёрного, темноватого отвара», а его употребление в особом общественном заведении – чайхане.

«Джай-хатай-хан – это такая харчевня, в которой пьют иностранную тёплую воду, – делится впечатлениями от посещения чайханы Адам Олеарий в написанном им «Описании путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно». – Попивая этот напиток, персияне играют здесь в шашки или же в шахматы».

Эти «джай-хатай-ханы», по его словам, располагались рядом с гостиницами, где останавливались купцы «всех возможных народностей»: татары, китайцы, турки, евреи, армяне, грузины, а также англичане, голландцы, французы, итальянцы и испанцы.

Он заметит, что чай доставлялся в Персию из Китая «узбекскими татарами».

Возвращавшемуся из Персии поздней осенью 1638 года Адаму Олеарию и его посольству пришлось задержаться в Казани, пока не установился санный путь в Москву. Об употреблении чая говорить здесь не приходилось.

«Хозяйка, в нашей квартире, обладая хорошим достатком, была посещена несколькими молодыми и старыми женщинами, – пишет он о своём пятидневном пребывании в Казани в одном богатом русском доме. – Своих гостей, стыдясь нас, она принимала в особой части комнаты, за занавеской, где хорошо угощала их калачами, пирогами, водкой, пивом и мёдом».

Конечно, Адам Олеарий и не подозревал, что совсем скоро китайское питьё завоюет Казань и Москву, а потом покорит и всю Россию. Но в отличие от Европы и Азии, его назовут здесь чаем,

в подражание северо-китайскому «ча», что значит «молодые листочки». Позже во всех этимологических словарях русского языка будет отмечаться, что слово «чай» заимствовано в XVIII веке из тюркских языков. Не трудно догадаться, какую роль при этом сыграл татарский язык, ведь среди переводчиков, толмачей и писцов было немало служилых татар. К тому же татарский в ту пору использовался российским правительством даже в качестве дипломатического языка в отношениях с рядом государств Востока.

Первый русский торговый караван в Китай вместе с посольством во главе с Фёдором Байковым состоялся в 1654–1856 годах. Для его прохождения был выбран путь из Тобольска по Прибайкалью в Пекин. В 1657 году участник каравана Сейткул Аблин доставил в Москву партию китайских товаров, в том числе чай, купленный в Пекине в обмен на русские товары.

После заключения в 1689 году в пограничном городке Нерчинске первого договора об официальных отношениях России и Китая, торговые караваны в эту страну стали регулярными. И потянулись сюда караваны на верблюдах и лошадях.

В ведавшем ими Сибирском приказе в их состав охотно включали татар, известных как «торговый народ» ещё со времён Казанского и Сибирского ханств. Они привлекались в них также в качестве переводчиков-толмачей.

«К концу XVIII века чай распространился в России и продавался уже в московских лавках», – указывал А. К. Корсаков в книге «Историко-статистическое обозрение торговых сношений России с Китаем».

Посол Цинского двора Тулишен, возглавивший первое китайское посольство в Россию, в 1714 году мог уже воочию видеть казанское чаепитие. Он посетил калмыков, принявших в 1671-м русское подданство и переселившихся с верховьев Ишима и Тобола на левый берег Волги и уже не представлявших жизни без чая.

В Казани и Москве чай продавался по 30 копеек за фунт: удовольствие для того времени недешёвое. «Лето на душу дарит чай, но денег требует ай-яй!», – говорилось в татарских пословицах. По-иному оценивали чай русские раскольники, сосланные в своё время в Казанский край. «Кто пьёт чай, тот спасенья не чай, – утверждали они, предавая «греховное зелье» анафеме. И среди части татар были в ходу всякие небылицы, но верх одержали всё же его поклонники.

Чай прописался и в новой российской столице Санкт-Петербурге. Через год после принятия титула первого российского императора в 1722 году Петр I посетил Казань. Он направлялся в Персидский поход, дабы обеспечить выход новой империи на Каспийское море. И им же было инспектировано основанный его указом в 1718 году Казанское адмиралтейство, занявшееся строительством судов для Балтийского и Каспийского флотов. Именно здесь был отмечен Петром I 50-летний юбилей, и его девятидневное пребывание в городе не обошлось без чая, введённого им в качестве угощения на устраивающихся для знатных людей увеселительных вечерах – ассамблеях.

Пётр I вынашивал идею передачи российских казённых торговых караванов в частные руки для установления с Китаем морской торговли. Уже после его смерти между Российской империей и Китаем в 1727 году был заключён Кяхтинский трактат, положивший начало приграничной торговле. Этот договор предусматривал постоянную поставку китайцами чая. Местами проведения торгов определялись русская торговая слободка Кяхта и китайский торговый городок Маймачэн, построенный напротив неё на монгольской земле. Дозволение на торговлю в них получили вместе с казёнными караванами также частные купцы.

После своего вступления на российский трон в 1762 году императрица Екатерина II издала манифест о разрешении торговать «всем, кто бы ни пожелал, как на границе торговать, так и в самый Пекин с платежом пошлин по тарифу». Такое дозволение получили и татарские купцы, уравниваемые в 1763 году в правах с русским купечеством.

Чайную торговлю в Кяхте повели шесть купеческих компаний, в том числе Казанская, взявшая на себя по согласованию с правительством обмен на чай юфти и кожи. Монопольное право в Китае на вывоз чая через Кяхту получила Сансинская купеческая компания.

«Это произведение Китая привело в движение огромные капиталы, проложило новые караванные пути и вызвало совершенно особенные отрасли мануфактурной промышленности, – замечал А. К. Корсак. – Чай сделался монетою Китая».

К «главным пунктам, где сосредоточивалась оптовая продажа китайских товаров и производилась закупка товаров для промена китайцам», казанский учёный-экономист отнёс Москву, Казань, Архангельск, Устюг, Лальский посад, Ирбитскую и Макаревскую ярмарки. «Зимой их перевозят от Кяхты до Иркутска (557 вёрст), от Иркутска до Омска (1554 версты), от Омска до Тюмени (1768 вёрст), от Тюмени до Казани (1236 вёрст) и от Казани до Москвы. Зимним

путём чаи приходят из Кяхты в Москву обыкновенно в 70 или 80 дней».

Так Казань сделалась одним из главных городов чайной торговли в России, пересыльным пунктом чая на её главный чайный рынок – Макаревскую ярмарку, преобразованную позже в Нижегородскую.

Главным местом продажи чая в Казани становится Гостиный двор, где выделился особый чайный ряд и чаепитейный трактир.

«Чайный приём» был устроен в Казани российской императрице Екатерине II в её 5-дневное здесь пребывание во время путешествия по Волге в 1767 году. «Я угрожала вам письмом из какого-нибудь азиатского селения, теперь исполняю своё слово, теперь я в Азии, – писала она из Казани в Париж французскому писателю и философу Вольтеру. – В здешнем городе находится двадцать различных народов, которые совершенно несходны между собой».

Своё знакомство с ними она начала с татар, приняв группу мусульманских священнослужителей и купцов. А потом оно было продолжено в загородном доме казанского губернатора, куда на народный праздник пригласили в национальном одеянии представителей всех народов, населяющих Казанскую губернию. Его участники удостоились угощения чаем, известным большинству народов края лишь понаслышке.

Восхищённая приёмом Екатерина II назвала себя «казанской помещицей», разрешила построить в Старотатарской слободе две каменные мечети, снискав симпатии богатого татарского купечества и мусульман.

**Вкус несравненный, его не отыщешь
И в самых богатых садах.
Кто не пробовал – жизнью обижен,
Будь повелителем Рума, будь – падишах.**

(Перевод Л. Киваевой)

– откликнулся на вхождение чая в жизнь казанских татар богослов и поэт Утыз Имяни. Своим стихотворением «Хвалебный стих чаю со сливками» он за-

ложит начало прославления чая в национальной поэзии.

Подхвативший от него эстафету Габдельджаббар Кандалий рассуждал о пользе чая:

**В знойный день порой
случится с мужем солнечный удар,
Выпьет он немного чая и воспрянет –
чудный дар!
Может быть, зимою, в стужу,
весь продрогнет человек,
Чай нальёт из самовара –
счастлив он, здоров навек.**

(Перевод Л. Киваевой)

Действительно, что может быть лучше горячего чая в жару и холод! Как никакой другой напиток, он соответствовал местным климатическим условиям.

Кандалию пришлось по душе чаепитие за самоваром. «Звуки самовара улаждают сердце, ибо они напоминают голос поющей птицы», – говорил он в своих стихах-баитах.

К самоварному чаепитию казанцы приобщились с конца XIII века, раньше появления первого самоварного завода в Туле в 1778 году. Изобрели же самовар на заводах Н. Демидова на Урале, сделав его по подобию китайского чайника с жаровней, но со встроенной внутри трубой, наполняемой древесным углём. Его по достоинству оценили первые покупатели – чайные купцы. От них он попал в основные пункты чайного караванного пути, в том числе – в Казань, по которой прошёл Великий Сибирский тракт, проложенный по указу императрицы Екатерины II. В 1770 году она прислала самовар в подарок грузинскому царю Ираклию II.

Не обошлось без самовара на охватившей всё Заволжье до Сибири Крестьянской войне 1773–1775 годов под предводительством Емельяна Пугачёва. В походной канцелярии его сподвижника старшины Бахтияра Кандаева, принимавшего со своим отрядом в июле 1774 году участие в штурме Казани, нашли написанный на старотатарском языке список конфискованных по Сибирской дороге вещей, где указывались «чайник оловянный, чай-

ник медный, медный кипятыльник чая, медная сахарница, самовар из зелёной меди».

Вслед за самоварным заводом в Туле самовары стали производить в Москве, Ярославле, Архангельке, а в конце XIX века – в мастерской медных изделий Н. Д. и А. Н. в селе Кукморе Мамадышского уезда Казанской губернии. За свою продукцию они удостоились медали «За трудолюбие и искусство» на Казанской научно-промышленной выставке 1890 года.

«Всякий зажиточный татарин имеет свой самовар», – отмечал первый этнограф казанских татар профессор Императорского Казанского университета Карл Фукс в книге «Казанские татары в статистическом и этнографическом отношении» (1844).

Проживая в Старотатарской слободе Казани, он, немец по происхождению, увлёкся изучением быта татар. Дом его находился на Сенной площади. На проходившем здесь Сенном базаре с восточной и татарской торговлей чай был самым ходовым товаром.

«Главное угощение татар – чай, которого надобно выпить не менее четырёх чашек», – писал он с симпатией о татарском чаепитии, увязав его с «самой лучшей чертой» татар – гостеприимством.

Это гостеприимство в конце мая 1829 года вместе с ним испытал на татарском сабантуе гостивший в городе известный немецкий естествоиспытатель, географ и путешественник, один из основоположников географии растений Александр Гумбольдт.

Фукс был первым, кто обратил внимание на правила татарского чаепития, особо чтимые при приёме гостей в мусульманские, народные и семейные праздники, когда «обыкновенно все обряды исполняются великолепнее».

Немало сделал для распространения правил казанского чаепития поэт Габдельджаббар Кандалий, разрабатывая и пропагандируя их в своих баитах. Они расходились в татарском мире в рукописном виде, переписывались в

разных вариантах и становились настоящим народными.

Окончательно татарский чайный этикет оформился в трудах Каюма Насыри и в кулинарных книгах и практике мастера-повара Дома татарской кулинарии Юнуса Ахметзянова.

Школу казанского чайного этикета прошли уроженец Казанской губернии Гавриил Державин, учившийся в Императорском Казанском университете Лев Толстой, бывший в нём ректором и библиотекарем создатель неевклидовой геометрии Николай Лобачевский, основоположник органической химии профессор Александр Бутлеров, проведший на заседании Вольного экономического общества в Санкт-Петербурге первые чайные опыты в поддержку идеи культуры чая.

Кто только не восхищался казанским чаем и чаепитием! Среди них великий русский поэт Александр Пушкин, автор литографий «Виды Казани, рисованные с натуры» английский художник Эдвард Турнерелли, афроамериканский актёр США Айра Олдридж, известный французский писатель Александр Дюма.

Во время посещения Казани в сентябре 1833 года А. С. Пушкину довелось чаёвничать с чайным купцом-миллионером Л. Ф. Крупенниковым, который в юности был в плену у Пугачёва. Утонченным любителем чая поэт сделался благодаря знакомству с блестящим знатоком китайского языка, классиком отечественной ориенталистики И. Я. Бичуриным (Пичуринским), тринадцать лет прожившим в Пекине, куда был направлен с духовной миссией после окончания Казанской духовной академии. Поэт настолько увлёкся его рассказами о Китае и чае, что задумал вместе с ним совершить туда путешествие. Но поездка сорвалась, а Иакинф Бичурин был командирован в 1831 году в приграничный город Кяхту для организации купеческим детям занятий по китайскому языку.

Преподававший английский язык в императорском Казанском университете (1837–1844) Эдвард Турнерелли был

приглашён «откушать чаю» к татарскому купцу Апакову.

«И какой чай! Я в жизни никогда не пил такого напитка. Исходивший от него аромат был столь силён, что наполнял всю комнату», – вспоминал он это чаепитие в изданной (1854) в Англии книге «Казань – древняя столица ханов, с описанием губернии, к которой она принадлежит, племени и народов, которые образуют её население».

Не меньшее восхищение у него вызвал самовар – «сосуд для приготовления чая».

«Это было одним из лучших путешествий за всю мою жизнь», – отзовется о своей поездке по России с посещением в сентябре 1858 года Казани знаменитый французский романист Александр Дюма, на себе испытывавший казанское чайное гостеприимство.

В начале XX века за прославление чая взялся великий татарский поэт Габдулла Тукай. Вспомнив, как его доставляли когда-то караванами из Китая в Казань, он выступил автором стихотворной рекламы чая фирмы «Караван»:

**В каждом чайнике сейчас
Чай от фирмы «Караван»!
Подставляй скорей стакан,
На стекле его – туман,
Чуден запах фирмы
О, конечно, «Караван»!**

(Перевод Р. Бухареева)

Будучи сам страстным поклонником чая, поэт не представлял себе татарскую столицу без этого полюбившегося казанцам восточного напитка. Казань представлялась ему своеобразной чайной Меккой, где чай являлся настоящим всенародным питьём. Доступным для всех сословий его сделало подключение Казани в конце XIX века к Транссибирской железнодорожной магистрали, связавшей Европейскую часть Российской империи с Сибирью и Дальним Востоком и обеспечившей выход к Тихому океану, а также пуск в июне 1913 года железнодорожного моста через Волгу. И это сразу сказалось на цене чая – он стал в разы дешевле. С конца XIX века

в Казань стала поступать продукция новых чаепроизводящих стран – Индии и Цейлона. В продаже появился также российский чай, производившийся незначительными партиями на кавказских субтропиках в удельном имении чаеоторговцем К. С. Поповым.

В Казани торговлю чаем вели целые купеческие дома. На главном чайном рынке России – Нижегородской ярмарке – они уступали лишь иркутским и московским купцам. Ежегодно в Казань доставлялся чай на сумму до трёх миллионов рублей серебром, тогда как оборот вина, водки и пива составлял вместе всего в 400 тыс. рублей за год.

Среди казанских чаеоторговцев выделялись братья Крупенниковы и Котеловы, Г. Юнусов, Х. Апанаев, Я. Апаков, В. Унженин, И. Савиных, Ю. Китаев, М. Усманов, С. Александров. К ним причислял себя и китаец Хын Лунг, облюбовавший для торговли Гостиный двор.

Чай продавался везде: во всех продовольственных лавках и магазинах, крупных рынках и базарах.

Габдулла Тукай предпочитал покупать чай на Сенном базаре, а любимым местом чаепития у него была чайная гостицы «Булгар», где он проживал.

Чай подавался во всех трактирах, ресторанах, летних кафе. Славился своими чаями трактир «Китай» на Воскресенской улице, описанный в автобиографическом романе П. Д. Боборыкина «В путь-дорогу», в котором родилось новое слово «интеллигентность». В парке «Русская Швейцария» в летнее время работал чайный ресторан. В татарских слободах получили распространение чайные. Своя чайная имелась у Казанского общества трезвости.

Судя по стихотворной чайной рекламе Тукая, Казань была не просто городом белых дней чая, когда его пили от зари утренней до вечерней. Здесь чаепитие проходило круглые сутки.

Сегодня происходит возрождение былой славы Казани как чайной Мекки. Продолжателями её богатых чайных традиций выступают открывшийся в 1969 году Дом татарской кулинарии и распахнувший свои двери посетителям (1987) Дом чая.

11 октября 1986 года в Казани на радость чаёвникам родился новый праздник – День чая, регулярно проводившийся во вторую субботу октября. В наши дни он проходит как фестиваль чая и татарского чаепития. Местом её проведения становились здание Гостиного двора, в котором располагается теперь Национальный музей Республики Татарстан, музеи Казанского Кремля, Старотатарская слобода, где имеются даже музеи чая и чак-чака.

Казань по праву можно называть чайной Меккой Поволжья. По-прежнему над ней витает аромат этого восточного напитка, придающий ей особый евразийский шарм. Это особенно можно прочувствовать во время проводящихся здесь 28 февраля, в день рождения выдающегося татарского кулинара Юнуса Ахметзянова, Всемирного дня татарской кухни.

Чай превратился в символ татарского гостеприимства, знаковый и любимый напиток татар и других народов Республики Татарстан, представляющей одно из самых многонациональных государственных образований Европы. Пусть этот чудесный напиток, как в татарской пословице «После чая – на душе лето», продолжает и дальше дарить радость людям.

